

Шесть дней Кондора

Автор:

Джеймс Грейди

Шесть дней Кондора

Джеймс Грейди

Кондор #1

Рональд Малькольм по прозвищу Кондор служит в безобидном аналитическом отделе. Однажды, вернувшись с обеда, он с ужасом видит, что все его коллеги убиты... Кондор вынужден бежать, и с этого дня на него начинается настоящая охота. Однако он не намерен так просто сдаваться и решает во что бы то ни стало выяснить, кто стоит за этой расправой...

Прошли годы. Кондор, оставивший оперативную службу и работающий теперь в книжном архиве, однажды замечает, что за ним кто-то следит... А на следующий день в доме Кондора происходит жестокое убийство, и обвиняют во всем его. Как когда-то в молодости, ему снова приходится пускаться в бега... Он обязательно должен найти настоящего убийцу – ведь от этого зависит не только его свобода и доброе имя, но и жизнь.

Джеймс Грейди

Шесть дней Кондора

James Grady

SIX DAYS OF THE CONDOR

Печатается с разрешения автора и литературных агентств InkWell Management LLC и Synopsis.

© James Grady, 1974, 1975, 2015

© Перевод. Н. К. Кудряшев, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Посвящается уйме всякого народа, включая мою родню,

Ширли, которая мне помогала,

и Рику, которому пришлось страдать все это время

Предисловие

События, описанные в этой повести, целиком выдуманы, по крайней мере насколько известно автору. Другое дело, такое вполне могло бы и произойти, поскольку структура и тактика разведывательного сообщества срисованы с натуры. Отдел ЦРУ, в котором работал Малькольм, и группа 54/12 существуют на самом деле, хотя, возможно, и называются по-другому.

В поисках фактов при работе над этой историей автор обращался к следующим источникам:

Джек Андерсон, «Вашингтонская карусель» (издания разных лет); Альфред В. Маккой, «Политика героина в Юго-Восточной Азии» (1972); Эндрю Талли, «ЦРУ,

взгляд изнутри» (1962); Дэвид Уайз и Томас Б. Росс, «Невидимое правительство» (1964) и «Шпионский истеблишмент» (1967).

Признание

В 1975 году руководители КГБ в Советском Союзе посмотрели новый фильм Роберта Редфорда под названием «Три дня Кондора». Этот фильм, продюсером которого выступил Дино Ди Лаурентис, режиссером – Сидни Поллак, в котором помимо самого Редфорда играли ослепительная Фэй Данауэй, оscarоносный Клифф Робертсон, международный кумир Макс фон Сюдов и трогательная Тина Чен, а сценарий написали Лоренцо Семпл-мл. и Дэвид Рейфил, представлял собой интерпретацию короткой повести, с которой дебютировал никому не известный двадцатичетырехлетний тип из Монтаны. В кино эта книжица превратилась в заводной шедевр, напичканный политическими интригами, подозрительностью и пронизательностью сыгранного Редфордом персонажа – кабинетного аналитика, который, вернувшись с ленча на работу, обнаружил всех своих сослуживцев убитыми.

Как и все сотрудники маленького аналитического подразделения ЦРУ, герой Редфорда так же имел кодовую кличку – Кондор.

Как объяснял похищенной им героине Фэй Данауэй сам Кондор – Редфорд, «...послушайте, я работаю на ЦРУ. Я не шпион. Я просто читаю книги. Мы читали все, что печаталось в мире, и мы... ну, мы выискивали всякие там хитроумные пакости и забивали их в компьютер, а тот сравнивал их с настоящими штуками, которые проворачивали или задумывали в ЦРУ. Я искал прорывы, разные новые идеи. Мы читали приключения и боевики, книги и журналы... Я... нет, правда, разве такое можно выдумать?».

В статье, опубликованной в 2008 году пулитцеровским лауреатом Питом Эрли – с санкции ФБР и ЦРУ, кстати, – утверждается, что фильм совершенно потряс руководство КГБ и убедил их в том, что они безнадежно отстали от своих американских соперников по части того, чем занимался в фильме Кондор – Редфорд.

Как следствие – если верить, конечно, статье бывшего репортера «Вашингтон пост» Эрли, озаглавленной «Товарищ Дж.: неопубликованные тайны главного русского шпиона в Америке по окончании холодной войны», – КГБ создал свой собственный сверхсекретный отдел, занимающийся тем же, чем занимался Кондор – Редфорд в фильме.

Как это имело место в книге и кино, КГБ разместил свой новый тайный отдел в тихом квартале на окраине Москвы, на Флотской улице (в кино их американский аналог размещался в Нью-Йорке, в повести – в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия). Советские шпионы придумали этому заведению подобающую «крышу» и даже – совсем как в фильме – повесили у входа полированную бронзовую табличку, согласно которой там размещалось управление «Всесоюзного научно-исследовательского института системного анализа». Вообще-то вместо этой бессмыслицы полагалось бы честно написать, что здесь сидит НИИ проблем разведки Первого управления Комитета государственной безопасности, сокращенно НИИПР.

Правда, и в кино, и в книжке секретный отдел, в котором работал Кондор, представлял собой крошечную контору, число сотрудников которой не превышало десятка.

Во вдохновленном примером Кондора НИИПР работало около двух тысяч советских граждан. И все они занимались работой, «изобретенной» двадцатичетырехлетним писателем-самоучкой из Монтаны.

То есть мной.

А теперь представьте себе снежный январский вечер 2008 года в пригороде Вашингтона. Примерно десять вечера. Мой пес Джек и почти шестидесятилетний я спускались с горки в направлении моего не слишком престижного дома, когда я услышал, как меня зовет жена, Бонни Гольдштейн.

– Тебе звонят!

Звонил, как выяснилось, Джефф Штейн, мой старый друг, работавший раньше в военной разведке, – самый настоящий шпион и при этом всеми признанный журналист-международник, специализирующийся на всякого рода шпионской тематике в ежеквартальном издании Конгресса. Джефф только что достал

сигнальный экземпляр книги Эрли, так что ему не терпелось узнать у создателя Кондора, что тот думает о своем герое и КГБ.

Я едва удержался на ногах.

Когда интервью наконец закончилось, в моей голове крутилась единственная строчка из песни «Грейтфул Дэд»: «Ах, что за странный, долгий вышел путь».

Теперь же благодаря Отто Пенцлеру и его издательству я могу поделиться с вами и этим путешествием, и повестью, которая послужила для него поводом.

Можете считать это моим чистосердечным признанием.

В посвященном «Кондору» эссе Марка Терри, вошедшем в сборник «100 триллеров, которые необходимо прочесть», приводятся слова корифея жанра Джона Ле Карре: «Если вы написали книгу, в силу каких-либо причин сделавшуюся культовой, считайте это знаком свыше».

Поэтому можете звать меня мистером Знак Свыше, а раз так, давайте-ка прогуляемся назад по этому долгому, странному пути – к самому его началу. В Вашингтон, федеральный округ Колумбия, в обжигающе холодный январь 1971 года.

Я тогда только-только окончил Университет штата Монтана и, получив грант от «Сирс-корпорейшн», проходил стажировку в пуле журналистов Конгресса. Нас, двадцать бойцов поколения Вудстока, набрали по провинциальным колледжам и университетам и собрали в столице. Днем мы копались в материалах Конгресса, а вечерами нас наставляли акулы пера, маститые журналисты, пишущие в жанре расследований. Я жил на улице А, в шести кварталах от белого, как айсберг, купола Капитолия, который казался мне даже больше, чем в студенческие годы. Со мной на этаже жил тип, которого я видел довольно редко. Ванная была одна на двоих. По ночам я слышал сквозь тонкую перегородку, как он чихает и кашляет. Я мылся под душем, стоя на цыпочках и стараясь не притрагиваться ни к чему из того, чего мог касаться он.

Каждый будний день я приглаживал свои не по моде коротко стриженные волосы, надевал единственный, пусть и новый костюм, какой-нибудь из трех галстуков попугайской расцветки, втискивался в светло-коричневое пальто с

квадратными плечами и отправлялся пешком на свою замечательную работу в аппарате вздорного, хотя и довольно-таки мозговитого Ли Меткалфа, сенатора-популиста от Монтаны. Руководство практикой почему-то решило, что мы с ним подходим друг другу; при всем этом я единственный из всех стажеров работал с представителем своего родного штата.

И каждое утро по дороге на работу я проходил мимо белого оштукатуренного дома неподалеку от угла улиц А и Четвертой. Узенький палисадничек отделялся от тротуара невысокой чугунной решеткой. Окна прятались в глубокой тени. Бронзовая табличка на массивной двери гласила, что здание принадлежит какой-то, наверняка почтенной, Американской исторической ассоциации.

И я ни разу не видел, чтобы в дом кто-то входил или выходил из него.

Воображение порождает альтернативные реальности.

А само воображение по большей части порождается вопросом: «А что, если?..»

Таких вопросов при наблюдении за этим домом у меня возникало два:

Что, если тут работает ЦРУ?

Что, если я вернусь на работу с ленча, а в офисе всех убили?

Нормальные вопросы... такие могли бы прийти в голову каждому, так ведь?

Тем более учитывая время, в которое все это происходило.

Миром правила холодная война. На каждом американском углу мерещились призраки Джона Фитцджеральда Кеннеди, Роберта Ф. Кеннеди, Мартина Лютера Кинга и Ли Харви Освальда. Атомные арсеналы судного дня имени доктора Стрейнджлава терпеливо дожидались неизбежного момента, когда кто-нибудь нажмет кнопку. За «железным занавесом» раскинулся архипелагом ГУЛАГ Советский Союз, а за «бамбуковым занавесом» свился в невидимые кольца дракон коммунистического Китая. ФБР Дж. Эдгара Гувера знал все обо всех... и мог запросто этим воспользоваться. Возможно, Гитлер и не укрывался где-нибудь в Парагвае, но целые коммуны бывших нацистов, сбжавших по

окончании войны, обретались в тех краях, ворочая при этом счетами в швейцарских банках. По миру разгуливали израильские агенты-мстители; если они сцапали Эйхмана, то и до других могли добраться. В Южной Африке свирепствовал апартеид. Американские наркодилеры еще не поставили свой бизнес на широкую ногу, но у американской мафии уже имелись французские связные, поставлявшие героин. Террористов еще называли революционерами вне зависимости от того, носили они балахоны Ку-клус-клана, береты «Черных пантер», куфии ООП или длинные волосы с цапочками «детей цветов». Там и здесь нарушали общественный покой секты вроде «Семьи Мэнсона». Их присутствие ощущалось, хотя их голоса звучали не громче шепота. Нечто невидимое, но необходимое для защиты нашей планеты, называвшееся «озоновый слой», подвергалось опасности из-за дезодорантов, которыми мы брызгали себе подмышки. И хотя никакой Супермен, сражавшийся за правду, справедливость и американский образ жизни, об этом даже не догадывался, мордовороты Ричарда Никсона, нарядившись водопроводчиками, уже реализовывали свою «грязную стратегию». А в джунглях Вьетнама вот уже двенадцатый год продолжало гибнуть мое поколение американцев.

Не страдать паранойей мог только настоящий псих.

И у тебя не было ни малейшей возможности предугадать, где нанесут удар, кому, а главное – за что.

Надо сказать, мои фантазии насчет секретной конторы ЦРУ на Капитолийском холме имели некоторое основание. В те времена на Пенсильвания-авеню, всего в трех кварталах от Капитолия и Палаты представителей, притулилось между ресторанами, барами и книжными магазинами ничем не примечательное здание из серого бетона с почти всегда опущенной створкой въезда для автомобилей и вечно запертой наглухо без таблички входной дверью. Работавшие на Холме не делали особой тайны из того, что дом принадлежит ФБР. И если у вас хватило бы полномочий сделать запрос ведомству Дж. Эдгара Гувера, вам бы ответили, что в нем размещается один из их центров перевода. Многим из нас оставалось только гадать, чем же они там занимаются на самом деле.

На расстоянии пушечного выстрела от этой тайной фэбээровской крепости размещался парадный, весь в витринах и постерах головной офис «Ложи Либерти» – политической секты, слишком одиозной и экстремистской, чтобы назвать ее просто «правой». Спустя всего несколько лет она прославилась тем, что беззастенчиво рекламировала и рассылала по почте несертифицированное

лекарство под названием «латрил», способное, по словам его разработчиков, исцелять рак, ради него великий актер Стив Маккуин переехал в Мехико, но от рака оно его так и не вылечило.

Таким – спустя всего два года после массовых беспорядков, вызванных убийством Мартина Лютера Кинга, – предстал передо мной Капитолийский холм, район, где родился вопрос «что, если?» и Кондор.

Последним из руководителей моей стажировки стал Лес Уиттен, писатель, переводчик французской поэзии и партнер Джека Андерсона, чьи колонки журналистских расследований на первых полосах тысяч газетных номеров ложились на крыльцо двум десяткам миллионов читателей-американцев от океана до океана. Чего эти читатели не знали, так это того, что и Джек, и Лес находились (незаконно, разумеется) под пристальным вниманием ЦРУ. Лес носил почетное звание разгребателя всяческой грязи. Ни он, ни я не подозревали, что через три года, уже после выхода «Кондора», мы станем коллегами, работая на колонку Андерсона. Тогда, в семьдесят первом, я был всего лишь студентом, собиравшимся возвращаться домой после трех волшебных месяцев стажировки при Сенате. Как-то раз я задержался после занятий и уговорил Леса поделиться со мной своей «крутой историей» про ЦРУ, про которую он вскользь упомянул на лекции и которая должна была попасть в газеты неделей позже, когда я должен был уже вернуться домой, в Шелби, штат Монтана, где не выходило ни одной ежедневной газеты, так что новостей приходилось ждать неделю.

Аллен Гинзберг – поэт-битник. В 1971 году, когда Америка еще катилась к ужасающей наркомании, масштабов которой мы не могли себе даже вообразить, он уже видел, как это безумие уничтожает лучшие умы его поколения. Гражданская часть его поэтической натуры не могла игнорировать кошмара героиновой зависимости. Объект ненависти консервативных столпов права и порядка – бородатый, лысый, распеваящий мантры гомосексуал – Гинзберг совершил то, на что не отважился почти никто из его критиков: он объявил свою, личную войну героину и подтверждал слова делом. Его крестовый поход сводился преимущественно к расследованиям. Так вот, сенсация, которую Лес готовил к печати, посвящалась Гинзбергу и его расследованиям связей союзников ЦРУ в Юго-Восточной Азии с героиновым бизнесом.

В тот вечер, когда в полутемных кулуарах Конгресса Лес шепотом посвящал меня в эти новости, мир вокруг пошатнулся.

Однако я оставался всего лишь студентом из Монтаны, которому не исполнилось еще и двадцати двух лет, и я возвращался в свой дикий, «готический» (по гениальной оценке моей жены) и «мрачный» (уже по моей, данной после 11 сентября) городок Шелби в шестидесяти милях от Скалистых гор, в тридцати милях от канадской границы и в миллионе миль от того «настоящего» мира, к которому я едва прикоснулся за время своей трехмесячной стажировки в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия.

Мой дед был ковбоем и завзятым картежником, бабка – искалеченной полиомиелитом повитухой, которая смогла вырастить восьмерых собственных детей, включая мою мать. Она и четверо ее сестер так и остались жить в родном городе, и я рос под их неусыпным надзором, как щенок в стае любящих койотов. Мой дядюшка с сицилийскими корнями занимался какой-то до сих пор не до конца понятной мне административной деятельностью в двухэтажном красном доме, где размещался городской бордель. Это заведение существовало под опекой местной полиции и органов здравоохранения – подобная страсть к соблюдению законов и нравственности всегда приводила меня в замешательство; помимо прочего, она проявилась в том, как наш бывший мэр, по профессии врач, подпольно делал аборт у себя в кабинете на Мэйн-стрит. И, судя по тому, что нехватки в пациентках он не испытывал, об этой его маленькой тайне было известно всем к западу от Миссисипи.

Ну, в общем, вы теперь представляете, каким ребенком я рос.

В очках с толстенными, как донышко бутылки из-под кока-колы, линзами. Естественно, непригодный к строевой. Витающий в облаках. Болтливый.

Притом что на деле я был далеко не так умен, как представлялось мне самому и окружающим, в отличие от моей гениальной старшей сестрички. В списке успеваемости выпускного класса я болтался где-то в третьем десятке из восьмидесяти семи учащихся. В школьной футбольной команде меня всегда ставили в третью линию обороны – просто потому, что их всего три. Я безнадежно – и без малейшего шанса на успех – влюблялся во всех моих сверстниц по очереди. Состоял в обществе юных республиканцев и считался там раздолбаем. Мои славные, полные любви и заботы родители принадлежали к послевоенному среднему классу, верившему в американскую мечту. Трудоголик-отец заведовал несколькими кинотеатрами, из чего следовало, что я вырос, пересмотрев несколько тысяч фильмов категории «Б». Мама работала в библиотеке, из чего следовало, что я мог не слишком торопиться сдавать все те

детективные и приключенческие романы, которые поглощал в юном возрасте. Еще в школьные годы я начал подрабатывать: билетером в театре, киномехаником, уборщиком, сноповязальщиком, трактористом, даже могильщиком. Мне повезло: я поступил в Университет штата Монтана, но ради этого пришлось помахать лопатой на строительстве дорог. По наивности я надеялся, что мне дадут какую-нибудь мелкую журналистскую работу, которая позволила бы мне заниматься любимым делом – писательством.

Строчить всякоразные истории я начал в буквальном смысле слова раньше, чем научился писать: свои сочинения я диктовал на редкость терпеливой маме (потом она их выкидывала). К моменту окончания школы в моем активе числилась поставленная в школьном театре пьеса и около сотни рассказов, вежливо отосланных мне обратно редакциями детективных, приключенческих, научно-фантастических и просто литературных журналов. Я проучился в университете целых полтора месяца, прежде чем до меня дошло, что избранная мной в качестве специальности журналистика не включает в себя художественной литературы. Однако к этому времени я успел стать свидетелем того, как Сеймур Херш изменил наш мир к лучшему, сделав достоянием гласности бойню в Сонгми, а факультет журналистики открывал мне доступ к стажировкам, недоступным на факультете литературы, – и это при том, что на последнем преподавали такие мэтры, как Джеймс Ли Бёрк, Джеймс Крамли и Ричард Хьюго, поэт, лекции которого я посещал. Так вот, одна из стажировок, при Конгрессе, финансировалась корпорацией «Сирс», и именно она привела меня к тому зловещего вида дому в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия.

За исключением этой стажировки, Университет штата Монтана не дал мне ровным счетом ничего... ну, разве что навыки редактирования. Мой наставник по этому предмету, Роберт Макгифферт, настолько преуспел в нем, что в летние каникулы подрабатывал, редактируя статьи для «Вашингтон пост».

Некоторой части своей самонадеянности и провинциальной наивности я лишился в Университете Миссула. Я отрастил длинные волосы: в мире правили рок-н-ролл и «Битлз». Я даже поэкспериментировал немного с запрещенными законом веществами (эффект от них точнее всего описывается словами «окаменел»), но всего несколько раз, и я ни разу не отплясывал в толпе под Lucy in the Sky with Diamonds. По мере того как все больше моих друзей возвращалось из Вьетнама в цинковых гробах, а из Вашингтона не слышалось ничего кроме откровенного вранья, я присоединился к антивоенному протестному движению, хотя настаивал, чтобы оно удерживалось в рамках закона. Одну весну я провел с

активистами негритянского движения в чикагском гетто, а еще руководил проектом Ральфа Нейдера в Монтане, который даже добился некоторого успеха, хотя – открою один секрет – единственным его членом кроме меня самого была моя однокурсница Ширли, по молодости лет полагавшая себя моей подружкой.

В общем, когда я вернулся в Шелби после вашингтонской стажировки, я так и не имел ни малейшего представления о том, как приблизиться к своей мечте. Единственное, чем мне хотелось заниматься, – ну, почти единственное – это писать. Планы родителей и школьных педагогов сделать из меня юриста я похоронил почти сразу, хотя некоторое время меня и соблазняла возможность отправлять нехороших парней в тюрьму, невиновных выпускать на свободу, а на вызовы демократии отвечать соблюдением Конституции и чтобы при этом у меня оставалось время заниматься творчеством по ночам. Осенью семьдесят первого года я приступил к преддипломной практике, дававшей мне – как я, во всяком случае, надеялся – законное прикрытие для занятий писательством...

И так все, в общем-то, и вышло, но лишь по счастливой случайности.

Монтана как раз переписывала свою устаревшую, составленную еще баронами-разбойниками Конституцию – Дэшил Хэммет, кстати, избрал местом действия своего первого романа «Красный урожай» ту самую, со старой еще Конституцией, Монтану. Команде, составлявшей новый текст, срочно требовался человек, умевший быстро писать и имевший резюме с упоминаниями правительства и политики (скажем, работавший на какого-либо сенатора). Один из друзей выдернул меня на эту работу из университетского кампуса; именно здесь я смог увидеть своими глазами то, как замечательно действует демократия в условиях, когда простые граждане работают на совесть и отказываются делать это за закрытыми дверями.

После того как весной семьдесят второго года новую Конституцию приняли, я на несколько месяцев исчез со сцены: поездил по стране, остался жив, вернулся в городок Хелена в Монтане и, поработав немного пожарным инспектором, устроился в непомерно разросшееся агентство по ювенальным правонарушениям, работавшее в штате на федеральные деньги. Меня вполне устраивала работа, занимавшая руки и голову, поскольку мои сердце и душа были заняты совсем другим – мечтой.

Я решил, что лучший способ написать роман – это взять и написать роман.

И что лучший способ стать писателем – это писать.

Редкий новичок в этом ремесле оказался настолько неподготовлен к последствиям такого решения.

Однако страсть к писательству жгла меня сильнее, чем героин, помноженный на секс.

Я жил тогда в крошечной квартирке на втором этаже симпатичного коттеджа неподалеку от Капитолия штата – в Хелене. Некоторое время моим соседом был один из умнейших порождений беби-бума, мой давний друг по имени Рик Эпплгейт. Я до сих пор беззастенчиво краду имена для своих вымышленных героев из его исторических книг. Еще по соседству жила совершенно очаровательная семейная пара: он – талантливый и чертовски сообразительный адвокат, она – из тех темноволосых женщин, на которых мечтало жениться подавляющее большинство нас, шестидесятников. Я прожил там достаточно долго, так что застал рождение их первенца, девицы по имени Мэйли Мелой, которая впоследствии стала одной из самых заметных писательниц своего поколения. А вот рождения их второго, Колина Мелоя, ставшего руководителем и автором текстов знаменитой инди-рок-группы уже нового столетия, «Декабристов», я уже не дождался – съехал раньше. Днем я занимался обычной американской бюрократической ерундой, бегал трусцой, занимался дзюдо в спортзале Ассоциации молодых христиан, ходил на свидания, стал крестным отцом сыну моего кузена, слушал рок по радио и с пластинок, ходил в кино, экономил на чем мог, а в свободное время уплывал в фантастические миры, барабаня по клавишам тяжелой, оставшейся у меня еще с университетских времен пишущей машинки «Ройял».

И вот тогда этот вопрос – «что, если?..» – ждавший своего часа с вашингтонских времен, начал подавать признаки жизни.

В те времена эталоном шпионского романа являлся суперагент 007 Джеймс Бонд. Ну да, имелись хорошие фильмы, поставленные по отличным книгам Джона Ле Карре («Шпион, пришедший с холода») и Лена Дейтона («Досье ИПКРЕСС»), но все они находились в тени Бонда. На библиотечных полках можно было найти издания Эрика Эмбера, Джозефа Конрада и Грэма Грина, но в книжных магазинах они терялись в сиянии глянцевых обложек «Доктора Нет», «Голдфингера», «Из России с любовью», с изображениями Шона Коннери, Урсулы Андерс, секса и пистолета «вальтер ППК».

И как бы мне ни нравилась реплика: «Бонд. Джеймс Бонд», писать про супергероя не хотелось. Супергерой побеждает всегда и везде, он не знает, что такое паранойя, даже опасности, которые ему угрожают, какие-то картонные. А главное, в жизни я таких не встречал. Выучившись... точнее, прикоснувшись к ремеслу журналиста, я хотел хоть одним боком соприкоснуться с реальностью. Поэтому я знал: кем бы ни оказался мой герой и в какой бы из вашингтонских «что, если?» он ни попал, суперменом ему не бывать.

Но он обязательно будет работать на ЦРУ.

Центральное разведывательное управление – самый знаменитый в Америке магазин, продающий шпионов оптом и в розницу. В те времена, уже в постмаккартистскую эпоху, когда еще не павший жертвой покушения Джон Фицджеральд Кеннеди публично признавался в любви к Джеймсу Бонду, а тайно ввязывался в закулисные интриги вроде попытки убийства Фиделя Кастро руками мафии, ЦРУ представляло собой невидимую, окруженную легендами армию. В ту доинтернетную эпоху, когда еще не было электронных книг, поисковиков и сайтов разной степени достоверности, еще до того, как массовые акции против Вьетнамской войны и Уотергейт помогли раскрутить всякого рода шпионские скандалы, на полках среднего книжного магазина или библиотеки изданий ЦРУ не было вообще.

В поисках материалов для «Кондора» я обнаружил только три заслуживающие доверия работы про эту организацию: две, написанные Дэвидом Уайзом и Томасом Б. Россом («Невидимое правительство» и «Шпионский истеблишмент»), и еще одну – Эндрю Талли («ЦРУ, взгляд изнутри»). Также я основательно порылся в книге историка Альфреда В. Маккоя, который, не устранившись гнева американского правительства, французских спецслужб, сицилийских и корсиканских мафиози, китайских Триад и наших союзников-чанкайшистов, написал свою «Политику героина в Юго-Восточной Азии» – анализ истории двадцатого столетия, глубина, точность и гениальность языка которого вполне заслуживали бы Пулитцеровской премии, которую, однако, книга так и не получила. Маккой исходил горы Лаоса, коридоры правительственных учреждений Сайгона (ныне Хошимина) и златные кварталы Бангкока – и все ради того, чтобы продемонстрировать, что американское правительство в лучшем случае просто закрывало глаза на криминальную сущность тех, кто называл себя нашими друзьями и союзниками.

Этими трудами в сочетании со статьями моего будущего босса и коллеги по раскапыванию всякого рода грязи Джека Андерсона, да еще редкими, полными туманных намеков рассказами моих друзей, вернувшихся из Вьетнама и повидавших там «кое-чего», и ограничились все мои познания о ЦРУ.

В общем, моему воображению повезло: его не сковывал избыток реальности.

Художественная литература того времени относилась к ЦРУ как к призраку, вокруг которого ходили на цыпочках, избегая соприкоснуться с ним. При том, что агенты ЦРУ засветились в сотнях повестей и романов, как правило, всех их отличала моральная и физическая стойкость в сочетании с профессиональной непогрешимостью. То, чем они занимались, как и зачем, авторов не интересовало. Я нашел только четыре исключения из этого правила: Ричарда Кондона, чей «Маньчжурский кандидат» – и в виде книги, и в виде фильма – заметно содействовал моему взрослению; насквозь пронизанный нуаром и цинизмом роман Ноэля Бена и снятый по нему Джоном Хьюстоном фильм «Кремлевское письмо», заставившие меня обратить внимание на «неофициальные», не имевшие отношения к ЦРУ шпионские организации; Чарльза Маккерри, до 1967 года работавшего глубоко законспирированным цэрэушным агентом, чьи романы начали выходить примерно в то же время, когда я писал «Кондора», и, наконец, еще одного бывшего агента ЦРУ, Виктора Марчетти, который уже после выхода моей книги написал «ЦРУ и культ разведки», классическую книгу-разоблачение, которую бдительный Верховный суд США подверг практически построчной цензуре. В книге 1971 года «Канатоходец», которую я прочитал, уже закончив «Кондора», Марчетти прибег к вполне тогда привычной практике, какой бы абсурдной она ни казалось сейчас, а именно поменял название ЦРУ на НРУ, тем самым еще сильнее отдалившись от реальности. Голливуд относился к ЦРУ с трепетом, полным благоговейного ужаса, на кино- и телеэкранах это ведомство означало невероятные гаджеты и рыцарей в плащах, устремившихся в праведный поход за Святым Граалем.

Большим исключением можно считать и то, что очень немногие (включая меня) посмотрели фильм 1972 года «Скорпион» с Бертом Ланкастером в роли агента ЦРУ, который мог заслуживать, а мог и не заслуживать охотившегося за ним с подачи Управления француза-убийцы. Оцените иронию: съемочная группа фильма периодически останавливалась в отеле, из которого команда никсоновских «сантехников» вела наблюдение за стоявшим напротив комплексом «Уотергейт», готовясь к своему едва ли не самому знаменитому в истории взлому. Два других замечательных фильма этой параноидальной эпохи

– «Заговор «Параллакс» и «Элита убийц» – вышли на экран уже после того, как я закончил работу над своим романом. С университетской скамьи я старался не пропускать телешоу «Я – шпион» с Биллом Косби и Робертом Калпом, однако телевидение в шестидесятые следовало жестким цензурным стандартам, и эти два персонажа то и дело скатывались к обычным штампам сверхгероев.

Ну, конечно, имел место и Альфред Хичкок, мастер кинематографического саспенса. Его шедевры часто разыгрывались в мире шпионажа и международных интриг – достаточно вспомнить «На север через северо-запад». Но для Хичкока шпионы служили скорее инструментом для раскрытия других характеров. Так, его Макгаффин – это всего лишь сила, заставляющая героев сблизиться и сплотиться, такая мотивация, повод для действия и напряжения.

Из всех творческих уроков, преподанных мне Хичкоком, главным, наверное, являлось то, что лучшие его сюжеты до правдоподобия личные: обычные, живые люди вдруг оказываются на грани жизни и смерти, и в это положение они могут попасть по воле случайных попутчиков или каких-то геополитических потрясений. У Хичкока самые заурядные, порой даже бесцветные персонажи, брошенные в гущу событий, вынуждены сражаться не на жизнь, а на смерть, чтобы восстановить уничтоженное Макгаффином.

Вот такими были истоки Кондора.

Многие из моих откровений о ЦРУ исходили от Уайза и Росса. Главное, что я почерпнул, – это то, как сильно зависит Управление от работы незаметных аналитиков, не пользующихся вниманием журналистов. Поэтому мне показалось интересным развить эту тему.

Я изобрел работу, которая бы нравилась мне самому (если бы я не смог стать писателем): читать чужие романы в поисках штучек, полезных для шпионского ремесла, включая загадки моего любимого Рекса Стаута с его Ниро Вульфом.

Уайз и Росс дали мне приблизительное представление о структуре ЦРУ.

Потолкавшись некоторое время за кулисами Сената, поработав в Монтане в дорожной службе и в общественной, пусть и с федеральным бюджетом организации, я пришел к выводу, что даже тайные службы безопасности вроде ЦРУ все равно остаются обычными бюрократическими ведомствами, которыми

движут те же силы и слабости, которые я наблюдаю в повседневной жизни.

И в результате я попытался ответить на волновавшие меня вопросы в своем романе, изобразив в нем такие очевидные (для меня, по крайней мере) вещи, как панику, которую испытывает попавший в беду агент. Надо сказать, последующая моя жизнь – в том числе совместное с Джеком Андерсоном разгребание всяческой грязи – полностью подтвердила это мое предположение.

Дело в том, что я не испытывал ни малейшего сомнения: моему герою есть чего бояться, и ему потребуется любая возможная помощь. Созданный моим воображением образ позволял герою поступать только так, как поступил бы на его месте любой другой. Возможно, он умен, но не сверхспособен, а большая часть его умения могла проистекать только из той биографии, которую я для него заготовил. Даже имя я ему выбрал такое, чтобы оно отображало ту категорию, которая в американском сленге именуется обычно «ботанами». И никаких хемингуэевских Ников Адамсов, никаких Стивов из «Гавайи Пять-Ноль» – он стал Рональдом Малькольмом. Идеальное имя для выбранного мною поля действия. И его – как и частенько меня – даже друзья зовут по фамилии.

Свой первый роман я писал, будучи журналистом, поэтому на свой вопрос «что, если?» отвечал простой, сухой, прямолинейной прозой – в точности как меня учили. Битых четыре месяца я проводил все ночи и выходные на кухне своей квартирке в Хелене за выдавшей виды зеленой пишущей машинкой. О том, как я назову книгу, у меня не имелось ни малейшего представления до тех пор, пока я ее не дописал и не обнаружил, что вся она выстроена, повинувшись простой хронологии, укладывающейся – с небольшими доделками, конечно, – в шесть дней. Наша культура к этому времени уже свыклась с тем, что действие триллера вроде «Семи дней в мае» вполне может уложиться в неделю. Еще половину субботнего дня я потратил на то, чтобы выдумать Малькольму подходящую агентурную кличку, и остановился на Кондоре потому, что слово это ассоциируется со смертью, но звучит куда круче просто «стервятника».

Я никогда не рассматривал «Кондора» в качестве простого упражнения. Понятное дело, я не представлял из себя ничего кроме двадцатитрехлетнего неудачника, лишеного связей, наставников или заступников, жившего в нескольких тысячах буквальных и фигуральных миль от издательского мира Нью-Йорка.

Впрочем, эта абсолютная изоляция только подстегивала мое воображение.

Я перерыл все полки в местной библиотеке в поисках издательств, публиковавших что-нибудь, хоть отдаленно напоминавшее замысел, сложившийся в моем котелке. В конце семьдесят второго года я составил список примерно из трех десятков компаний. С помощью стоявших у меня на работе гаджетов – электрической пишущей машинки «АйБиЭм» и ксерокса – я настрочил краткое изложение текста, не дававшее, однако, представления о развязке, сигнальную главу и автобиографию, в общем-то соответствовавшую истине, но полную туманных недоговорок. В один прекрасный день я опустил в почтовый ящик тридцать конвертов и вернулся к обычной жизни, то бишь к использованию рабочего времени и техники для печати чистовой версии «Кондора». Из тридцати издателей откликнулось на мои письма около половины, и из них шесть дали положительный отзыв. Из этих шести я наугад выбрал одно издательство, куда и отослал чистовик.

Четыре месяца спустя, так и не дождавшись ответа, я уже было собрался уволиться с работы в Хелене, чтобы вести голодное писательское существование в Миссуле, чуть более цивилизованном городе штата Монтана. Впрочем, перед этим я все-таки позвонил в издательство, пробился к главному редактору и получил от него вежливый отказ в публикации. Выждав еще несколько дней, чтобы получить новые адрес и телефон в Миссуле, я отослал рукопись в следующее по списку издательство – В. В. Нортон – и занялся переездом.

Родители и некоторые мои друзья пребывали в ужасе: никто из известных им людей не зарабатывал на жизнь писательством. Я не обращал на это внимания. В семьдесят третьем мне исполнилось двадцать четыре года, я снимал конуру в рабочем районе Миссулы, потихоньку тратил свои сбережения, поскольку заработка журналиста-фрилансера едва хватало на аренду жилья, экономил на всем (кока-колу, например, я позволял себе только в те вечера, когда занимался карате в спортклубе) и продолжал, продолжал барабанить по клавишам своей старой зеленой машинки сутками напролет, пока стертые пальцы не начинали кровоточить – вот почему этот период своей жизни я назвал «Кровь на клавишах».

Результатом этого периода стал классически перегруженный самокопанием роман в жанре «Выпускника», читать который, надеюсь, не доведется никому, а также, как ни странно, напечатанная-таки театральная комедия под названием «Великая афера с булыжниками»; в Штатах она, правда, вышла под псевдонимом. Зато в Италии ее издали под моим настоящим именем, там она

выдержала несколько тиражей. В 2000 году группа анонимных итальянских писателей под названием «Бу-Минь» поведала мне, что эта пьеса послужила для них одним из источников вдохновения.

В реальном же мире в это время мой банковский счет таял на глазах, а выпуски новостей все больше сосредотачивались на криминальных скандалах, исходивших от администрации Никсона, что волновало меня сильнее, чем перспектива голодной смерти. Мой бывший босс, сенатор Меткалф, выделил грант для журналистов из Монтаны – тратить время на связанные с ним обязанности мне не хотелось, но из всех моих газетных статей в Миссуле напечатали лишь одну, и еще одна заметка в три абзаца готовилась к печати в национальном спортивном журнале... В общем, я подал заявку на грант, начал подумывать о возвращении в дорожное ведомство или на еще какую-нибудь бюрократическую работу, которая не отвлекала бы мой творческий потенциал от настоящих – писательских – дел.

И тут зазвонил телефон.

Мужчина на том конце провода представился Старлингом Лоуренсом, вообще-то писателем, но на тот момент редактором В. В. Нортон, и сообщил, что они хотели бы издать «Кондора» и готовы заплатить тысячу баксов – на десять процентов больше, чем я заработал бы за год, трудясь белым воротничком. Разумеется, я согласился, и он добавил, что им кажется, книгу можно также продать в качестве киносценария.

Мне ужасно хотелось спросить, понимает ли он, что такого рода штуки срабатывают только в кино, но я все-таки промолчал и даже удержался от смеха. В конце концов, он собирался издать мой роман, так что я не хотел показаться невежливым.

Спустя еще две недели, когда я стоял в пустой ванне, пытаюсь залатать протекавший душевой шланг с помощью изоленды, телефон зазвонил снова.

На этот раз Старлинг Лоуренс и еще несколько издательских парней сообщили мне, что знаменитый кинопродюсер Дино Ди Лаурентис прочитал мой роман в рукописи и быстро (позже Дино рассказал мне, что решение он принял после первых четырех страниц) решил снимать по нему фильм. Он купил мою книгу, и моя доля составляла восемьдесят одну тысячу.

Я стоял дурак дураком, держа в руке рулон серой изолянтной ленты и слушая возбужденный голос Старлинга, потом спохватился.

– Извините, – перебил я его. – Мне тут надо шланг изолянтной лентой замотать, и я не слышал ни единого слова из тех, что вы сказали после восьмидесяти одной тысячи.

Черт, да на такие деньги я мог бы не заниматься ничем, кроме писательства, несколько лет!

Спустя еще неделю сенатор Меткалф включил меня в свой журналистский пул, и мне предстояло ехать в Вашингтон для работы в его команде.

Мне было всего двадцать четыре года.

И я отправился навстречу приключениям, каких и представить себе не мог.

Большинство из тех, кто читает эти строки, имеют какое-то представление о содержании «Кондора» по фильму, так что я – надеюсь, это не будет спойлером – приоткрою вам еще немного деталей создания книги.

Каждый роман состоит из двух книг: рукописи, выходящей из-под пера автора, и того продукта, который совместными усилиями ваяют для читателя издатели, редакторы и автор. При этом в процессе создания второй книги автор выступает одновременно в качестве и мясника, и говядины.

Кондор в моей рукописи соответствует тому персонажу, которого вы знаете, но роман в том его виде, в каком он вышел в семьдесят четвертом году, несколько отличается от написанной мною истории.

Рукопись представляет собой классический шпионский детектив-нуар, на протяжении которого Кондор кидает от одного моего «что, если?» к другому в рамках заговора небольшой группы коррумпированных цэрэушников, проворачивающих контрабанду героина в неразберихе Вьетнамской войны, определявшей облик моего поколения. И эти Макгаффины шесть дней гонятся за Кондором, и за эти шесть дней женщина, которую он берет в заложницы и которая становится затем его любовницей (представили себе Фэй Данауэй?),

погибает от руки убийцы, что превращает главного героя из жертвы в охотника-убийцу. И хотя действие происходило в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, пролог и эпилог переносил нас во Вьетнам. Вся рукопись подчинялась ритмике рок-н-ролла – от игравшего по радио в момент нашего первого знакомства с Кондором Just My Imagination и до кульминации, когда – можете называть это жестоким убийством, а можете правосудием – Кондор, так сказать, теряет невинность в мужском туалете вашингтонского аэропорта под величайшую песню «Битлз» With a Little help from my Friends.

Эти строчки исчезли из текста первыми, когда оказалось: то, что я считал удачным литературным ходом, означает необходимость выплаты правообладателям, непосредственно влиявшей на размер причитавшегося мне аванса за книгу. Я слишком переживал за свое финансовое будущее, чтобы рисковать деньгами. Потом дело дошло и до «Темптейшнз», игравших по радио в момент, когда Кондор, отлынивая от работы, сидит на подоконнике и наблюдает за проходящей мимо здания красивой незнакомкой. Мне эта сцена казалась ироничной.

И все-таки я гордился тем, как мало изменений внесли в книгу Старлинг и издатель варианта в жесткой обложке, хотя от вьетнамских пролога и эпилога они заставили-таки меня отказаться.

И когда дошло дело до киносценария, издатель варианта в мягкой обложке – или, скорее, кто-то из участников совещания в издательстве – спросил Нортон, не соглашусь ли я на две небольшие правки.

Первая сводилась к замене героина на что-нибудь другое – ну, например, на какой-нибудь супернаркотик. После кассового успеха «Французского связного» продюсеры боялись, что героин покажется зрителям повтором.

Во-вторых, меня просили оставить в живых героиню Фэй Данауэй: «Очень уж безысходно выходит с ее убийством».

Эти предложения озвучили мне по телефону; я выслушал их в пригороде Вашингтона, в квартире, которую снимал на паях с моими друзьями из Монтаны на время, пока не устроюсь в городе основательнее. Чего я тогда еще не понимал, так это того, что у меня имелась возможность влиять на процесс. Злую шутку со мной сыграло журналистское образование: меня воспитали в святой

вере в непогрешимость издателя и в то, что возражать ему – самый верный способ угробить свою работу.

Отказ от рок-н-ролла меня огорчил, но в этом смысле я был явно не одинок, поскольку такие штуки почти не встречались и в других романах. Отказ от пролога и эпилога делал действие динамичнее, сразу окуная читателя в сюжет, и это изменение я считал не лишенным смысла.

Но вот замена героина «каким-нибудь сверхнаркотиком» показалась мне полной чушью. Все-таки я писал роман, весь смысл которого заключался в том, что он настолько близок к реальной жизни, насколько это вообще возможно, а сверхнаркотик эту реальность оскорблял.

И то, что героиня оставалась в живых, означало: спусковой механизм, превращавший героя в подобие тех, кто за ним охотился, исчез.

Я кое-как вывернулся: Кондор только полагал, что ее убили (вообще-то я сделал ее калеккой, но не без шансов на выздоровление); и я решил, что с точки зрения мотивации этого может и хватить.

Что же до героина, я – деревенщина из Монтаны – предложил безликим, хотя и продвинутым нью-йоркским издателям этакого троянского коня: пусть вместо героина нехорошие парни ввозят в Штаты брикеты морфия. «Отлично!» – последовал ответ, и я сразу же понял: эти хранители культуры не имеют ни малейшего представления о наркоторговле, которой они так боятся, и понимание того, что такое «хорошо» и что такое «плохо», остались у них на уровне средней школы. Морфий брикетами в Америку не ввозят: это экономически невыгодно, отчасти оттого, что морфий – это неочищенный героин. Впрочем, какой-никакой, морфий оставался настоящим наркотиком, а не плодом больной издательской фантазии, сверхзельем, которое превратило бы моего «Кондора» в жалкую пародию на триллер.

И не забывайте: я оставался всего лишь двадцатичетырехлетним новичком. Мне еще повезло, что текст редактировали сравнительно немного. Черт, мне повезло хотя бы потому, что его вообще опубликовали.

Некоторым романам везет настолько, что они состоят не из двух, а из целых трех книг: авторской рукописи, отредактированного издания и сценария,

который Голливуд показывает на экране.

Роберта Редфорда выбрали на главную роль еще до того, как я лично познакомился со Старлингом Лоуренсом в вестибюле его нью-йоркского небоскреба.

Следующие изменения в сценарии стали следствием того, что произошло в нашей стране в реальности.

Место действия пришлось перенести из Вашингтона в Нью-Йорк: как мне объяснили, Редфорд снимался в этом году в двух фильмах – «Трех днях Кондора» и «Всей президентской рати». Он проживал в Нью-Йорке с семьей и не хотел отрываться от нее, переезжая в другой город на целый год. Из двух фильмов поменять место действия можно было только у «Кондора».

Куда серьезнее обстояло дело с Макгаффином.

Еще до того как я переехал из Монтаны в Вашингтон, Штаты содрогнулись от первых нефтяных эмбарго. Невидимый мир нефтяной политики вдруг выступил на первый план, повлияв на весь наш жизненный уклад. Эти изменения в американских реалиях, в американском сознании оказались слишком привлекательными в творческом отношении, чтобы от них отмахнуться, поэтому наркотик Макгаффина превратился из героина в нефть. И вместо моего и без того довольно мрачного финала гениальные сценаристы предложили еще более зловещую развязку.

Помимо всех этих крупных переделок в кино просочились жаргон и штуки, вошедшие в нашу жизнь после Уотергейта и свежих разоблачений в сфере спецслужб. «Кондор» оказался, например, одним из первых фильмов, в которых были показаны такие устройства, как сканирующий документы компьютер, – в 1974 году это казалось настоящей фантастикой.

Невозможно описать ощущения писателя, попавшего на съемочную площадку, где все, что возникло в его разгулявшемся воображении, обретало материальность и объем. Съемочная группа и актеры встречали меня как родного. Я ходил как во сне.

По площадке меня водил Сидни Поллак – он демонстрировал доходившее до болезненности внимание к деталям, вплоть до никогда еще появлявшихся на экране образцов оружия, которым будут пользоваться убийцы. Я зачарованно слушал его рассказы, как он собирается нагнетать напряжение в той сцене, где не происходит ничего... если, конечно, не считать того, что неумолимый убийца и его жертва едут в одном лифте в компании ничего не подозревающих свидетелей. Сидни объяснил, что соблюдение хронологической последовательности событий в фильме означает: он не смог бы показать бегущего от убийц Редфорда на протяжении шести дней и ночей, поэтому все действие уложилось в три дня.

Редфорд был со мной предельно приветлив. Помнится, зимним манхэттенским утром мы стояли на крыльце тайного цэрэушного офиса – порождения моей «что, если?»-любопытности – и трепались о нашей работе, стараясь не обращать внимания на парочку светских дам в норковых шубах, пытавшихся прорваться через огораживающие место съемки полицейские барьеры, чтобы поглазеть на нас поближе. Эти две манхэттенские матроны буквально подпрыгивали от возбуждения и вытягивали шеи, как школьницы. До сих пор гадаю, производит ли Роберт Редфорд на женщин такое же впечатление.

Редкий начинающий писатель встретил такой благожелательный прием Голливуда. Дино, Поллак, Редфорд и остальные тепло отнеслись к моей тощей книжице, превращенной их стараниями в кинематографический шедевр. Мне повезло сделать в этом увлекательном процессе первый шаг, и я благодарен за это судьбе. Вся моя дальнейшая жизнь проходила под знаком «Кондора».

Однако до тех пор, пока не стало известно о реакции КГБ, никто и не догадывался, насколько все это серьезно.

В том самом году, когда другой великий американский автор моего поколения, Брюс Спрингстин, выпустил свою судьбоносную «Рожденный бежать», вышел на экраны мой фильм, ушел в отставку Никсон, закончился мой сенатский грант, готовились к изданию еще две мои книги, я, не задумываясь, ухватился за шанс присоединиться к команде Джека Андерсона, разгребавшей тогдашнюю политическую грязь. В конце концов, никсоновские громилы пытались убить Джека (к счастью, по части убийств они преуспели меньше, чем по части взломов). Одним из моих шефов стал Лес Уиттен – тот самый, что невольно вдохновил мой роман о ЦРУ. Надо же, как повезло! Редфорд пригласил меня на предпремьерный просмотр фильма в Вашингтоне, и я прихватил с собой Ширли

(все еще мою подругу) и коллег из команды Джека Андерсона. Вот это была жизнь!

Хотя продолжение, которое я написал почти сразу, благополучно вошло в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», я довольно скоро осознал, что квинтет романов про Кондора неизбежно попадет в рамки окультуренного образа, созданного на экране великим и несравненным Робертом Редфордом, а с этим мне не справиться.

Поэтому я отпустил Кондора на волю.

До самого 11 сентября.

Когда дым горевших башен-близнецов рассеялся, Кондор прилетел обратно.

Первым делом он заставил меня открыть, что случилось с тех пор с Рональдом Малькольмом, этим похожим на меня бунтарем из шестидесятых, причем проделать все так, чтобы это не противоречило образу Редфорда – ну или по крайней мере не наносило ему слишком уж заметного ущерба. Поэтому в одной из моих любимых работ, «Бешеных псах» 2006 года, Кондор появляется в роли этакого камео – в тайной психушке ЦРУ.

Этим дело не ограничилось.

И вот наконец роман, который я написал про нынешнего, после 11.09, Кондора – Condor.net (<http://condor.net/>) – уже выложен в Сеть в виде электронной книги, так что он – вместе с эссе, объясняющим его происхождение, – готов предстать перед вашими глазами.

«Кондор» стал ангелом-хранителем всей моей жизни.

Еще до того, как я узнал о вдохновленном «Кондором» тайном отделе КГБ, один из участников тайной операции в Уотергейте Фрэнк Старджис рассказал мне, что его агентурная кличка в ЦРУ была Кондор, хотя моя работа никак не могла быть вдохновителем такого выбора. Равно как не могла служить этим для «Операции «Кондор» – объединения праворадикальных военизированных группировок в Южной Америке. В 1980 году убийца в форме почтальона

разделался с бывшим иранским дипломатом в Вашингтоне – спецслужбы и полицейское руководство утверждали, что эту идею он почерпнул в «Кондоре», хотя сам исполнитель убийства, который тогда скрылся и с которым мне удалось связаться в Багдаде после 11 сентября, сказал, что сам он в этом не уверен.

«Кондор» послужил основой для пародий в мультсериалах «Сейнфилд», «Симпсоны», «Фрейзер», «Царь горы», его упоминали в сериалах вроде «Морская полиция: спецотдел» и «Во все тяжкие». Авангардная рок-группа «Рэдиохед» использовала в одной из своих песен фрагменты диалогов из фильма.

В январском обзоре «Вашингтон пост», посвященном лучшим фильмам минувшего столетия, пулитцеровский лауреат, кинокритик (а также замечательный друг и отличный писатель) Стивен Хантер назвал «Три дня Кондора» одним из символов семидесятых, типичным отображением того параноидального времени. Кроме того, писал Хантер, «это знаменует глобализацию кино, ибо Голливуд лишился принадлежавшего ему с рождения титула пупа земли».

Ну и, не будь «Кондора», зачисленного Международным союзом авторов триллеров в сотню обязательных к прочтению книг, я бы ни за что не оказался в обществе Чарльза Диккенса, Раймонда Чандлера, Дэшила Хэммита и других моих кумиров, не получил бы премий во Франции и Италии.

«Кондор» отворил передо мной сотни дверей – от Голливуда до журналистики, издательств и клубов поклонников детективной литературы. Он подарил мне репутацию, которая позволила жить и выживать на закоулках Америки прошлого века, кишаших террористами, наркоманами, мошенниками, убийцами, ворами, тайными агентами, революционерами, фараонами и шпионами – всеми теми, кого я описал в «Правилах игры» (кстати, тоже доступных в виде электронной книги – спасибо «Мистериз-Пресс»).

Но прежде всего «Кондор» подарил мне свободу парить в мечтах. Позволил мне материализовывать все мои «что, если?». Дал фундамент, на котором я построил собственную благополучную жизнь, а потом и жизнь всей моей семьи. Предоставил возможность прикоснуться и если не облегчить, то хотя бы осветить судьбы миллионов людей, большинство из которых мне даже незнакомы.

Таких, как вы.

Спасибо вам.

Джеймс Грейди

Среда

...Самые значительных побед достигают не тайно, под покровом темноты, но терпеливо, час за часом, вчитываясь в страницы научных журналов. Если подумать, их [целеустремленных исследователей-патриотов из ЦРУ] можно считать американскими учеными-профессионалами. Труд их не воспет, но неоценим.

Президент Линдон Б. Джонсон, речь при принятии присяги Ричардом М. Хелмсом при вступлении последнего в должность директора ЦРУ, 30 июня 1966 года

В четырех кварталах позади Библиотеки Конгресса, сразу за перекрестком Юго-Восточной-А и Четвертой улиц, вторым от угла расположено сияющее белой штукатуркой трехэтажное здание. При всем разнообразии соседних построек мимо него трудно пройти не заметив – хотя бы из-за окраски. Чистая белизна штукатурки резко выделяется на фоне выцветших красных, серых, зеленых и потемневших белых стен. Невысокая черная чугунная изгородь, равно как аккуратно подстриженные палисаднички, придают дому этакое неброское достоинство, которого так не хватает соседним зданиям. Притом на него почти не обращают внимания. Жители квартала давно свыклись с его присутствием, не выделяя его из привычного пейзажа. Десятки работающих на Капитолийском холме и в Библиотеке Конгресса, проходя мимо каждый день, не замечают его в спешке; впрочем, будь у них время, они все равно наверняка прошли бы мимо, не удостоив его взглядом. Хотя отсюда до Холма всего пара шагов, туристы редко попадают на эту улицу. А те, кто все-таки оказывается здесь, обычно оглядываются по сторонам в поисках полисмена, который подскажет дорогу из этих неуютных кварталов к расположенным для безопасного просмотра

национальным монументам.

Если пройдем в силу какой-то прихоти захочется приглядеться к дому повнимательнее, он не обнаружит в нем почти ничего необычного. Еще не заходя внутрь ограды, он, скорее всего, в первую очередь заметит табличку размером три на два фута, согласно которой здание принадлежит Национальному управлению Американского литературно-исторического общества. В Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, городе сотен достопримечательностей и головных офисов самых разных организаций, такие здания не редкость. Если этот прохожий мало-мальски разбирается в архитектуре, его наверняка заинтересует резная черная дверь с необычно большим глазком. И если его любопытство одержит верх над застенчивостью, он даже может отворить калитку. А вот негромкого щелчка реле, замыкаемого поворотом чугунной створки, он наверняка не услышит. Сделав несколько шагов по дорожке, прохожий может подняться по черным чугунным ступеням на крыльцо и нажать на кнопку звонка.

В случае (впрочем, таких случаев большинство), если Уолтер пьет кофе на маленькой кухоньке, переносит с места на место коробки с книгами или подметает пол, посетитель даже не догадается о том, что дом охраняется. Он услышит прокуренный голос миссис Расселл: «Войдите!» – и жужжание электрического замка, когда она нажмет на кнопку у себя на столе.

Первое, что заметит визитер, попав внутрь, – это царящий в нем уют. Пока он стоит на нижней площадке входа, его глаза находятся примерно на уровне стола Уолтера. Бумаг там нет, но он и не предназначен для бумаг, зато его передняя стенка бронированная. Повернувшись направо и начав подниматься по ступенькам, посетитель упрется взглядом в миссис Расселл. В отличие от стола Уолтера, ее стол просто завален бумагами. Они сплошь покрывают его поверхность, едва не падают с полок, а за бумагами прячется ее допотопная пишущая машинка. За этой грудой продуктов переработки древесины восседает сама миссис Расселл. Ее седая шевелюра, как правило, всклокочена. В любом случае обрамление лица из ее волос получается так себе. На том месте, где некогда была левая грудь, красуется изготовленная в 1932 году брошь в форме подковы. Миссис Расселл непрерывно курит.

Тех, кто способен зайти в помещение управления Общества так далеко – ну, не считая почтальонов и курьеров из магазинов, – считанные единицы. Все они, тщательно просканированные взглядом Уолтера (если он, конечно, на месте),

попадают в распоряжение миссис Расселл. Если незнакомец пришел по делу, она – в случае, если сочтет уровень его допуска соответствующим, – направит его к нужному сотруднику. Если он пришел лишь из любопытства, она снабдит его пятиминутной, но исключительно занудной лекцией о структуре и целях Общества (поддержка, продвижение и поощрение литературы, что в узком кругу носит название «трех П»), сунет ему в уже сопротивляющиеся к этому моменту руки стопку буклетов, заверит в том, что в настоящий момент нет никого из тех, кто мог бы ответить на дальнейшие вопросы, предложит писать, если есть такое желание, по такому-то ни о чем не говорящему адресу и коротким кивком пожелает всего хорошего. Оглушенные подобным приемом визитеры, как правило, покорно отчаливают, даже не заметив ящичка на столе Уолтера, фотографирующего их в нескольких ракурсах, или красного плафона с зуммером, извещающего о том, что кто-то открыл калитку. Возможно, разочарование посетителей сменилось бы еще большим любопытством, доведись им узнать, что они только что побывали в специализированном филиале отдела разведки ЦРУ.

Как известно, ЦРУ создано согласно Закону о национальной безопасности 1947 года, ставшему результатом военного опыта, в первую очередь Перл-Харбора, когда Америку застали врасплох. Управление – или Контора, как называют его многие сотрудники, – является крупнейшей и наиболее активной организацией разветвленной разведывательной сети США, насчитывающей около двух тысяч сотрудников, с ежегодным миллиардным бюджетом. В обязанности ЦРУ, как и у других подобных ведомств – британской МИ-6, русского КГБ и прочих, – входят тайные операции, шпионаж, поддержка определенных политических групп и дружественных правительств, а также прямые полувоенные действия. Подобный спектр задач вкупе с главной – обеспечением национальной безопасности в беспокойном мире – превращает их в важнейшие инструменты государственной политики. Бывший директор ЦРУ Аллен Даллес как-то сказал: «Акт национальной безопасности сорок седьмого года... предоставил нашей разведке больше влияния в правительстве, чем любой другой разведке в мире».

И все же основную часть работы ЦРУ составляют простые, кропотливые изыскания. Сотни аналитиков изо дня в день роются в технических журналах, отечественных или зарубежных, речах политических деятелей, выпусках новостей. Этими изысканиями занимаются два из четырех директоратов ЦРУ. Научно-технический занят преимущественно технической разведкой, и его эксперты готовят детальные обзоры научных исследований по всему миру, включая США и их союзников. Разведывательный директорат обрабатывает информацию другого рода. Она исходит из «открытых» источников: журналов,

радио- и телепередач, книг. Затем все перерабатывается и поступает к руководству в трех формах: в виде долгосрочных аналитических прогнозов, ежедневных обзоров текущей мировой ситуации, а также в виде анализа потенциальных проколов в деятельности ЦРУ. Собранная этими двумя отделами информация используется парой других: директором снабжения (административным отделом, ведающим вопросами логистики, снабжения, безопасности и связи) и оперативным (в ведении которого находятся собственно тайные операции).

Американское литературно-историческое общество с головным офисом в Вашингтоне и маленьким филиалом в Сиэттле является структурным элементом одного из самых маленьких подразделений ЦРУ. Благодаря специфическому характеру перерабатываемой информации его почти невозможно связать с разведывательным директором, и уж тем более с ЦРУ в целом. Да и сами обзоры, которые готовит подразделение (официально именуемое семнадцатым отделом разведывательного директората ЦРУ), настолько малы, что его доклады даже не всегда включаются в основные сводки. Разумеется, доктор Лаппе – чрезвычайно серьезный, чрезвычайно нервный руководитель Общества (официально именуемого девятой секцией семнадцатого отдела разведывательного директората ЦРУ) – корпит над еженедельными, ежемесячными и ежегодными отчетами, которые совершенно необязательно будут включены в соответствующие отчеты вышестоящего отдела. В свою очередь, отчеты семнадцатого отдела редко производят впечатление на вышестоящее руководство и, как следствие, не включаются в сводки разведывательного директората. Се ля ви.

В обязанности Общества и семнадцатого отдела в целом входит отслеживание любых упоминаний о шпионаже и всем подобном в художественной литературе. Другими словами, его сотрудники заняты чтением шпионских и детективных романов. Скрупулезному анализу подвергаются нестандартные ситуации и поступки героев тысяч и тысяч книг начиная со времен Джеймса Фенимора Купера. Большая часть книжного фонда хранится в Лэнгли, штат Вирджиния, где расположена штаб-квартира Управления, но и в вашингтонском здании Общества имеется своя библиотека, насчитывающая почти три тысячи томов. На заре своего существования отдел располагался на территории пивоварни Кристиана Ойриха недалеко от Госдепартамента, но осенью шестьдесят первого года, когда ЦРУ переехало в Лэнгли, он тоже получил помещение в пригородах Вирджинии. В начале семидесятых из-за резкого увеличения объема подобной литературы отдел начал испытывать проблемы с логистикой и связанными с этим расходами. В довершение всего тогдашний директор Управления поставил

под сомнение необходимость такого количества засекреченных, а следовательно, высокооплачиваемых работников. В результате департамент переместил свое подразделение в столичный Вашингтон, поближе к Библиотеке Конгресса. Поскольку сотрудники работали теперь не в центральном комплексе, уровень их допуска сочли возможным понизить с совершенно секретного до ограниченного. Соответственно понизились и ставки заработной платы.

Аналитики департамента вспахивают и пропалывают литературную целину; поле деятельности они распределяют между собой по взаимному уговору. У каждого имеется своя специализация, преимущественно по авторам. Помимо работы непосредственно с книгами, аналитики ежедневно получают из Лэнгли пакеты дополнительных материалов с описанием реальных событий; имена, правда, удалены, да и подробности сообщаются лишь самые необходимые. Факты и вымысел сравниваются и – в случае совпадений – тщательно анализируются на основе более подробных, хотя все равно прошедших цензуру документов. Если совпадения подтверждаются, информация об этом включается в засекреченный отчет вышестоящему подразделению. Где-то там, наверху, принимается решение о том, просто ли повезло писателю с воображением или он знает больше, чем положено. И если чаша весов склоняется ко второму решению, автору определенно не повезло, поскольку материалы на него передают в операционный директорат. Ну и, конечно, от аналитиков ожидают перечень полезных для агентов приемов. Эти перечни передаются туда же, в операционный директорат, которому свежие фокусы всегда пригодятся.

В описываемое утро Рональду Малькольму полагалось составлять именно такой перечень, но вместо этого он сидел на деревянном стуле лицом к спинке, положив подбородок на потертую ореховую поперечину. До девяти утра оставалось еще четырнадцать минут, и он сидел так с того времени, как поднялся в полдевятого по спиральной лестнице к себе в кабинет на второй этаж, громко чертыхаясь, когда горячий кофе плескал из чашки ему на пальцы. От кофе давно ничего не осталось, и организм Малькольма отчаянно нуждался в новой порции, но он боялся оторвать взгляд от окна.

Что бы ни случилось, каждое утро примерно между 8:40 и 9:00 по Юго-Восточной-А в направлении Библиотеки Конгресса мимо окна Малькольма проходила девушка. И каждое утро, что бы ни случилось, какая бы срочная работа ни ждала его, Рональд смотрел на нее в те короткие секунды, пока она не скрывалась из виду. Это превратилось в ритуал, помогавший ему, по крайней мере дававший стимул выбраться из теплой постели, побриться и отправиться

на работу. Поначалу он относился к этому с возбуждением, но постепенно плотский интерес сменился неким непостижимым восхищением. В феврале он перестал анализировать свое поведение и теперь, два месяца спустя, просто смотрел и ждал.

Стоял первый по-настоящему весенний день. Конечно, и раньше дожди время от времени сменялись солнечной погодой, но весной Малькольм бы этого не назвал. На этот раз солнце светило с самого рассвета без перерыва. В обычном утреннем смоге мерещилось обещание аромата цветущей вишни. Краем глаза Малькольм увидел приближающуюся девушку и придвинул стул ближе к окну. Она не спешила – и словно плыла по улице, двигаясь со спокойной, полной достоинства уверенностью. Длинные каштановые волосы ниспадали едва ли не до пояса, до узкой талии. Макияжем девушка не пользовалась, и в те дни, когда не носила солнцезащитных очков, любопытный наблюдатель мог разглядеть ее чуть округлое лицо с идеально посаженными большими глазами, прямым носом и решительным подбородком. Коричневый свитер в обтяжку рельефно обрисовывал полную грудь, судя по всему, прекрасно обходившуюся без лифчика. Клетчатая юбка оставляла почти полностью открытыми мускулистые (даже чуть слишком мускулистые) ноги в высоких, выше лодыжек, туфлях. Еще три шага – и она скрылась из виду.

Малькольм вздохнул и, отодвинув стул от окна, сел за стол. Из пишущей машинки торчал наполовину заполненный текст лист бумаги. Он решил, что для начала рабочего дня задел вполне пристойный, рыгнул, взял пустую чашку и вышел из своей красно-голубой комнатки.

На лестничной площадке Малькольм остановился и подумал. В доме было два кофейника – один на первом этаже, в крошечной кухоньке на столе миссис Расселл; другой – на третьем, на столе для упаковки корреспонденции. У каждого имелись свои плюсы и минусы. Кофейник на первом этаже был больше, и им пользовалось большинство сотрудников: само собой, сама миссис Расселл, бывший армейский сержант-муштровик Уолтер (с вашего позволения, сержант Дженнингс!), доктор Лаппе и новичок, бухгалтер Хейдиггер – то есть все, чьи рабочие места располагались там. Кофе заваривала, разумеется, миссис Расселл, которая при всех своих недостатках не страдала отсутствием кулинарного таланта. Впрочем, у этого кофейника имелось и два серьезных недостатка. Пользуясь им, Малькольм или Рей Томас, другой работавший на втором этаже аналитик, рисковали столкнуться с доктором Лаппе, чего они предпочли бы избежать. Вторым недостатком была сама миссис Расселл или, как

называл ее Рей, Ароматная Полли. От нее пахло.

Кофейником на третьем этаже пользовалось гораздо меньше народа; собственно, к постоянным пользователям его относились только Гарольд Мартин и Тамата Рейнольдс, два других аналитика. Иногда к ним присоединялись Рей или Малькольм. Изредка – когда ему хватало смелости – с первого этажа поднимался в поисках свежих ощущений Уолтер, глазевший на стройную фигурку Таматы. Конечно, она – славная девушка, думал Малькольм, но представление о том, как нужно заваривать кофе, у нее самое что ни на есть отдаленное. И в дополнение к проблемам кулинарного порядка на третьем этаже Малькольм рисковал попасть в плен к Гарольду Мартину, чтобы, будучи зажатым в угол, выслушивать артобстрел из новостей спорта, спортивной статистики и спортивных прогнозов, а также ностальгических воспоминаний о старших классах в школе. Подумав, Малькольм решил спуститься на первый этаж.

Миссис Расселл приветствовала Малькольма обыкновенным неприязненным хмыканьем. Иногда – для разнообразия, а также чтобы проверить, вдруг что-то изменится, – он останавливался «поболтать» с ней. Как правило, в таких случаях она рылась в своих бумагах; о чем бы Рональд с ней ни заговаривал, ее ответные реплики сводились к тому, как отвратительно она себя чувствует, как много она трудится и как мало это ценится остальными. На сей раз Малькольм ограничился сардонической ухмылкой и коротким кивком.

Уже подойдя к лестнице с полной чашкой, Рональд услышал, как отворилась за его спиной дверь кабинета, и напрягся в ожидании нравоучений доктора Лаппе.

– ...Э... гм... мистер Малькольм... можно вас на минутку?

Ф-фух. К нему обращался не доктор Лаппе, а Хейдиггер. Малькольм перевел дух и повернулся к хрупкому человечку, покрасневшему так сильно, что от его лысой макушки, казалось, исходил жар. Вечно накрахмаленный воротничок и узкий черный галстук туго перетягивали шею, едва не отделяя голову от тела.

– Привет, Рич, – улыбнулся Малькольм. – Как дела?

– Хорошо... Рон. Хорошо, – осторожно хихикнул Хейдиггер. Несмотря на полгода полного воздержания и напряженной работы, его нервы оставались напряжены

как струна. Любой невинный вопрос о самочувствии Хейдиггера мгновенно воскрешал в его памяти те дни, когда он тайком, дрожа от страха, пил виски в туалете ЦРУ, зажевывая его резинкой от запаха. После того как он «добровольно» прошел курс лечения от алкоголизма, через весь этот ад очищения, после того, как начал собирать воедино крохи бывшего рассудка, врачи сообщили ему, что все это время санузлы находились под видеонаблюдением службы внутренней безопасности. – Вам... вы не зайдете ко мне на минутку?

Что ж, любое разнообразие к добру.

– Конечно, Рич.

Они зашли в крошечный кабинет библиотекаря и сели – Хейдиггер за свой стол, Малькольм в единственное мягкое кресло, оставшееся от предыдущего домовладельца. Несколько секунд оба молчали.

Вот бедняга, подумал Малькольм. Запуганный до чертиков, но не потерявший надежды, что сможет дослужиться до бывшего положения. До допуска к самым секретным материалам, до перевода из этой богом проклятой бюрократической конторы в другую богом проклятую, но сильнее засекреченную. «Возможно, – думал Малькольм, – если тебе повезет, твой следующий кабинет будет окрашен в один из трех других цветов, создающих «более эффективную рабочую среду». Может быть, стены твоего нового кабинета будут окрашены в такой же славный голубой цвет, как у меня и сотен других правительственных служащих».

– Вот! – воскликнул Хейдиггер так громко, что голос его отдался эхом от стен. Громкость напугала его самого, так что он осекся, откинулся на спинку стула и попробовал еще раз: – Я... мне ужасно неловко беспокоить вас...

– Да нет, ничего.

– Ладно. Знаете, Рон... вы не против, если я буду называть вас Рон, нет ведь? Ну, вы ведь знаете, я тут у вас человек новый. Я решил покопаться в бумагах за последние несколько лет, ну, чтобы войти в курс... – Он нервно кашлянул. – Инструктаж доктора Лаппе страдал... скажем так... фрагментарностью. – Малькольм не удержался от усмешки. Всякий, кто мог посмеяться над доктором Лаппе, не мог не обладать некоторой крепостью яиц. Малькольм решил, что Хейдиггер ему, возможно, все-таки нравится.

– Так вот, – продолжал тот. – Ну... вы ведь тут уже два года, верно? С самого переезда из Лэнгли?

Верно, подумал Малькольм, кивая в ответ. Два года, два месяца и еще несколько дней.

– Да... Ну, я тут обнаружил некоторые... как бы сказать... нестыковки, которые мне хотелось бы прояснить, вот я и подумал, не могли бы вы мне помочь с этим. – Хейдиггер замолчал в ожидании утвердительного жеста Малькольма. – И я... я нашел две забавные вещи, вроде как разные. Первая касается расходов – ну, понимаете: выплаты, не учтенные в расходах на зарплату, и все такое. Но этого вы, наверное, и не знаете, это я сам как-нибудь разберусь. Но вторая имеет отношение к книгам, вот я и хочу посоветоваться с вами и другими аналитиками – вдруг удастся выяснить что-нибудь, прежде чем идти к доктору Лаппе с отчетом. – Хейдиггер помолчал. Малькольм снова кивнул. – Вам никогда не приходилось сталкиваться с недостающими книгами? Нет, постойте, – поспешно добавил он, увидев на лице Малькольма замешательство. – Позвольте, я поправлюсь. Вам никогда не приходилось сталкиваться с тем, что мы не получили заказанных нами книг... ну, или таких, которые мы должны были бы получить?

– Да нет, насколько мне известно, нет, – ответил Малькольм; все это начинало ему надоедать. – Вот если бы вы сказали мне точно, каких не хватает или какие пропали... – Конец фразы повис в воздухе, и Хейдиггер сразу же подхватил его:

– Ну, если на то пошло, я сам точно не знаю. То есть я даже не знаю, есть ли такие, а если есть, что это за книги или почему их не хватает. Все это очень... огорчительно.

Малькольм про себя согласился.

– Видите ли, – продолжал Хейдеггер, – где-то в шестьдесят восьмом году мы получили партию книг из Сиэттла, от нашего отдела закупок. То есть мы получили все книги, которые они нам послали, но я совершенно случайно обнаружил, что сотрудник, принимавший эту партию, расписался за пять коробок книг. Однако по накладной с подписью нашего агента в Сиэттле там значатся семь. Получается, у нас пропало два ящика книг, а самих книг вроде бы не пропало. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Угу, – слегка соврал Малькольм. – Я понимаю, что вы имеете в виду, хотя мне кажется, это, скорее всего, простое недоразумение. У кого-то, наверняка у какого-нибудь клерка, плохо с арифметикой. И вообще, вы сами говорите, собственно книги все на месте. Почему не оставить все как есть?

– Но вы не понимаете! – вскинулся Хейдиггер, подавшись вперед. Малькольм даже удивился настойчивости, что звучала в его в голосе. – Я же отвечаю за эти записи! Когда я принял дела, был уверен, что здесь все в порядке. А теперь я здесь, а в записях ошибка! Что-то не так, а если это обнаружится, виноват окажусь я! Я! – Он почти лежал животом на столе, и его голос снова отдавался эхом от стен и потолка.

Малькольму это решительно надоело. Перспектива выслушивать Хейдиггера с его инвентарными проблемами его совершенно не радовала. К тому же Малькольму не нравилось, как возбужденно горят глаза бухгалтера за толстыми линзами очков. Самое время уходить. Он подался навстречу Хейдиггеру.

– Послушайте, Рич, – сказал он. – Я понимаю, для вас это может составлять проблему, но я, боюсь, ничем не могу вам с ней помочь. Может, кому из других аналитиков известно больше, чем мне, но лично я в этом сомневаюсь. Если хотите моего совета, забудьте все это к чертовой матери и выкиньте из головы. Если вы еще не догадались, Джонсон, ваш предшественник, именно так всегда и поступал. Если вы хотите искать дальше, я бы не советовал вам идти с этим к доктору Лаппе. Он огорчится, запутает всю эту историю, раздует ее сверх всякой меры, а в проигрыше окажемся все мы.

Малькольм встал и пошел к выходу. У двери он оглянулся и увидел маленького, трепещущего человечка, сидящего над раскрытой папкой.

Только вернувшись к столу миссис Расселл, Малькольм позволил себе вздохнуть с облегчением. Он выплеснул остывший кофе в раковину, поднялся к себе в кабинет, сел, пукнул и закрыл глаза.

Когда спустя минуту он открыл их, взгляд его уперся в репродукцию «Дон Кихота» Пикассо. Репродукция висела на недокрашенной красной стене. Именно благодаря Дон Кихоту вышло так, что Рональд Леонард Малькольм вот уже два года занимал волнительную должность агента ЦРУ. В сентябре 1970 года Рональд сдал наконец так долго откладывавшийся им магистерский экзамен по

литературе. Первые два часа все шло замечательно: он написал подробное разъяснение платоновских аллегорий пещеры, проанализировал душевное состояние одного из двух странников в «Кентерберийских рассказах» Чосера, обсудил роль крыс в «Чуме» Камю и с боем пробился сквозь попытки Холдена Колфилда из «Над пропастью во ржи» укротить свою гомосексуальность. Перевернув последнюю страницу, он с размаху врезался в кирпичную стену, гласившую: «Подробно проанализируйте по меньшей мере три существенных события «Дон Кихота» Сервантеса, включая символическое значение каждого из этих событий, его связь с остальными и сюжетом в целом. Покажите, как автор использовал эти события для характеристики Дон Кихота и Санчо Пансы».

Это произведение Малькольм не читал. Пять драгоценных минут он смотрел на страницу задания. Потом очень осторожно раскрыл экзаменационную тетрадь и начал писать:

«Я не читал “Дон Кихота”, но, кажется, он потерпел поражение от мельницы. Что при этом случилось с Санчо Пансой, я не знаю.

Приключения Дон Кихота и Санчо Пансы – дуэта, по всеобщему мнению, искавшего справедливости, – можно сравнить с приключениями двух самых известных персонажей Рекса Стаута, Ниро Вульфа и Арчи Гудвина. Так, например, в классической повести про Ниро Вульфа, “Черной горе”...»

Подробно проанализировав повесть «Черная гора» Ниро Вульфа, Малькольм сдал тетрадь, вернулся домой и занялся созерцанием собственных босых ног.

Спустя два дня его пригласили в кабинет преподавателя испанской литературы. К удивлению Малькольма, вместо порки по результатам экзамена его спросили, правда ли его интересуют «загадочные убийства». Рональд удивился, но честно ответил, что чтение таких книг помогало ему сохранить в колледже подобие здравого рассудка. В ответ профессор с улыбкой поинтересовался, не хотелось бы ему «сохранять здравый рассудок за деньги?» Само собой, Малькольм ответил, что да, хотелось бы. Профессор снял телефонную трубку, и в тот же день Малькольм уже проходил собеседование с первым в его жизни агентом ЦРУ.

Собственно, в том, что профессора, деканы и прочий преподавательский состав колледжей выступали в качестве вербовщиков ЦРУ, не было ничего странного.

Например, в начале 1950-х преподаватель Йельского университета завербовал студента, позже пойманного при попытке проникнуть в коммунистический Китай.

Спустя еще два месяца Малькольм получил «ограниченный доступ», каким обладает 17 процентов сотрудников ЦРУ. После краткого обучения он поднялся по чугунным ступеням на крыльцо Американского литературно-исторического общества навстречу миссис Расселл, доктору Лаппе и работе самого что ни на есть настоящего агента разведки.

Малькольм посмотрел на стену и вздохнул. Стена являлась полем битвы, на которой он одержал победу над доктором Лаппе. На третий же день своей работы Рональд явился без галстука и пиджака. Неделю он пропускал осторожные намеки мимо ушей, а потом доктор Лаппе пригласил его побеседовать об этикете. Славный доктор согласился, что бюрократический подход несколько сковывает человека, но все же настаивал на том, что желающий запустить в офис чуть больше света должен найти для этого более традиционный способ, нежели «легкомысленный» наряд. Малькольм промолчал, но на следующий день пришел на работу раньше, одетый, как положено, в костюм с галстуком и с большой коробкой в руках. К моменту, когда в десять часов Уолтер доложил об этом доктору Лаппе, Малькольм почти докрасил одну из стен своего кабинета в красный, как пожарная машина, цвет. Доктор Лаппе потрясенно молчал, а Рональд с невинным видом объяснил, что таков новейший способ запустить в кабинет немного света. Когда же в кабинет просочилось двое других аналитиков, высказавших свое одобрение увиденному, славный доктор негромко заметил, что, возможно, Малькольму стоило бы позволить больше света личности, нежели недвижимости. Молодой человек искренне согласился. Банка красной краски, кисти и валик перекочевали в кладовку на третьем этаже, а пиджак и галстук Малькольма снова исчезли. Доктор Лаппе предпочел индивидуальный бунт коллективному, тем более угрожавшему собственности правительства.

Малькольм ностальгически вздохнул и вернулся к описанию классического метода Джона Диксона Карра по созданию «закрытых» ситуаций.

Хейдиггер тем временем суетился не покладая рук. Он последовал совету Малькольма насчет доктора Лаппе, но страх не позволил ему скрыть ошибку от Конторы. Если они поймали его в сортире, значит, безопасных для него мест просто не существует. Еще он понимал, что, если ему удастся удачно исправить

недоработку или хотя бы продемонстрировать свою способность ответственно распознавать и оценивать проблемы, его шансы вернуть себе благосклонность начальства заметно повысятся. Вот так и вышло, что амбиции и паранойя (в любом случае неважное сочетание) заставили Ричарда Хейдиггера совершить фатальную ошибку.

Он написал короткую докладную главе вышестоящего семнадцатого отдела. В старательно подобранных, выверенных, но все же не позволяющих усомниться в их содержании выражениях он описал то, что сказал Малькольму. Обыкновенно все докладные проходили через руки доктора Лаппе, однако из этого правила имелись и исключения. Воспользуйся Хейдиггер заведенным порядком, все бы обошлось, поскольку доктор Лаппе знал, какую информацию можно, а какую нельзя выпускать из вверенного ему подразделения. Хейдиггер догадывался об этом, поэтому собственноручно сунул свою докладную в готовый к отправке пакет исходящей корреспонденции.

Дважды в день – утром и вечером – два автомобиля с вооруженными сотрудниками привозили и увозили внутреннюю корреспонденцию всех размещенных в Вашингтоне подразделений ЦРУ. Документы отвозили в расположенный в восьми милях от столицы Лэнгли, где происходила их сортировка. Докладная Рича попала в вечернюю почту.

И тут с ней произошло нечто странное и непривычное. В отличие от всех других бумаг, докладная исчезла из предназначенного для сортировки помещения и появилась на столе у человека с простуженным голосом в просторном, расположенном в восточном крыле комплекса кабинете. Человек перечитал ее дважды, один раз наскоро, второй – очень и очень внимательно. Дочитав, он встал, вышел из кабинета и распорядился, чтобы все досье, относившиеся к Обществу, исчезли на некоторое время из вашингтонского офиса. Вернувшись в кабинет, он договорился по телефону о встрече на популярной художественной выставке. Затем, сказавшись больным, ушел с работы и сел на автобус, идущий в город. Примерно через час он оживленно беседовал с джентльменом представительной внешности, напоминавшим банкира. Разговаривали они на ходу, прогуливаясь по Пенсильвания-авеню.

Тем же вечером представительный джентльмен имел встречу с еще одним мужчиной – на этот раз в «Клайде», шумном джорджтаунском баре, куда захаживала публика с Капитолийского холма. Эти двое тоже погуляли по улицам, время от времени останавливаясь, чтобы взглядеться в свои отражения в

витринах магазинов. Второй мужчина тоже обладал запоминающейся внешностью, но что-то в его глазах давало право считать, что он определенно не банкир. Первый говорил, второй внимательно слушал.

– Боюсь, у нас возникла небольшая проблема.

– Правда?

– Да. Сегодня Уэзерби перехватил вот это. – Он протянул второму мужчине докладную Хейдиггера. Тому хватило одного прочтения.

– Я понял, что вы имеете в виду.

– Я не сомневался, что вы поймете. Нам необходимо позаботиться об этом, и незамедлительно.

– Я прослежу за этим.

– Разумеется.

– Вы понимаете, что помимо данного затруднения могут возникнуть и другие? – спросил второй мужчина, помахав в воздухе докладной Хейдиггера. – И что с ними тоже, возможно, придется разобраться?

– Да. Разумеется, это прискорбно, но необходимо.

Второй мужчина кивнул в ожидании продолжения.

– Мы должны быть уверены, стопроцентно уверены, что эти сложности будут решены.

Второй мужчина снова кивнул и промолчал.

– Имеется еще один фактор. Время. Оно имеет решающее значение. Делайте все, что необходимо, чтобы учесть этот фактор.

Второй мужчина подумал, прежде чем ответить.

– Максимальная скорость может требовать... хлопотных и не слишком чистых мер.

Первый мужчина передал ему папку с «пропавшими» документами.

– Делайте все, что считаете необходимым, – произнес он.

После этого двое, попрощавшись кивками, разошлись. Первый прошел четыре квартала, свернул за угол и только там взял такси. Он испытывал облегчение от того, что встреча завершилась. Второй постоял, глядя ему вслед, потом внимательно огляделся по сторонам, вернулся в бар и подошел к телефону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125591&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/dzheyms-greydi/shest-dney-kondora-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)